

ФАНАТ

жестокого Средневековья

Ник Перумов:
Добролюбовы и Писаревы
были больше заняты чтением
нравоучений авторам
да критикой «отсутствия
общественного содержания».
Вред, нанесенный этими
«товарищами» русской
литературе, огромен.

Вчера в Подмоскowie завершила работу ежегодная литературная конференция писателей-фантастов «Роскон». К сожалению, самый популярный российский фантаст Ник Перумов в силу ряда обстоятельств лично приехать не смог. Зато в пятницу с ним был проведен телемост. Речь шла в основном о вышедшем в издательстве ЭКСМО новом романе «Миттельшпиль», который является вторым томом «Войны мага» и на днях должен поступить в продажу. Во время телемоста стало известно, что Ник Перумов по результатам продаж признан «фантастом года» — количество проданных экземпляров его книг приближается к миллиону. Беседу с самым рейтинговым отечественным фантастом мы предлагаем вашему вниманию.

— Вы как-то сказали, что все фантасты вышли из шинели Стругацких, и дело лишь в том, куда они потом направились.

— Стругацкие были флагманами «новой фантастики», они едва ли не первыми дерзнули писать не о телеуправляемых тракторах и кознях злых буржуинов, а об «обычных людях в необычных обстоятельствах». Именно эти «необычные обстоятельства» и определяют, в какую сторону «направляется» фантаст. Кто-то строит строго научные модели возможного будущего и шарахается от магии, как от чумы. Кто-то, напротив, создает совершенно невероятные и невозможные со строго научной точки зрения миры, но, поскольку там нет сакраментальных «эльфов, гномов и драконов», подобное считается научной фантастикой, хотя науки там ни на грош. Мне лично всегда не хватало в советской (да и зарубежной переводной) фантастике 70-х ощущения сказки, отрыва от реальности, противопоставления человека и надчеловеческих, божественных сил. Оставался неустраиваемым богатейший по-

тенциал легенды и мифа, а ведь именно этот язык первым избрало человечество для отображения волновавших поколения моральных проблем. Я сам начинал с фантастики — пытался подражать Лему и тем же Стругацким. Пока не попробовал на вкус фэнтези и не понял: это мое! Так что, отвечая на вопрос: «Камо грядеши?», могу сказать — направился в сторону фэнтези, литературной сказки, где автор ничем не скован, кроме поставленных им самим условий. Это не исключает, конечно, обращения к иным жанрам.

— В какой стадии создания находится классический фэнтези-сериал «Семь зверей Райлега», который вы давно обещаете своим поклонникам?

— Я выложил на своем официальном сайте (www.perumov.com) большой отрывок из написанного и попросил читателей высказать свои мнения. Мнения были очень разными, но весьма полезными. Я понял, что ожидания моих читателей выше и что первый вариант нуждается в серьезной доработке. Поэтому я отложил ра-

боту над этой книгой, решив сосредоточиться на завершении уже начатых серий. Сейчас у меня самый разгар работы над окончанием дилогии «Империю превыше всего», надеюсь, что через три, максимум четыре месяца текст уже окажется в издательстве ЭКСМО. После этого будут последний том «Войны мага» и последняя книга сериала о некроманте Фессе.

— Были ли экранизированы ваши произведения?

— Компания «Новый русский сериал» приобрела права на экранизацию всех книг серии «Хранитель мечей», а также нашего с Сергеем Лукьяненко совместного романа «Не время для драконов». Когда начнется конкретная работа, сказать не могу.

— Вас до сих пор спрашивают о написанном вами вольном продолжении Толкиена или наконец успокоились?

— От этого мне никуда не деться. Вопросы не иссякают вот уже десять лет. Это понятно — мое «Кольцо» сознательно полемически заострено. Я очень быстро понял, что писать классическое «продолжение» нельзя,

только сам автор способен на такое. Возможно только своеобразное отражение, в какой-то степени — альтернативное Средиземье. Мне говорили, что я не имел права вводить «новые сущности», которых не было у Толкиена, менять моральные оценки. Но зачем нужен второй «Властелин колец», когда есть прекрасный первый?

— Все-таки ваши произведения — это фэнтези или литературная сказка?

— Правильнее все-таки — литературная сказка. Фэнтези — нелепая калька с английского, которую, есть грех, я и сам частенько употребляю. С XIX века литература в России, к сожалению, воспринималась исключительно в аспекте «борьбы за народ». И хотя Пушкин создал «Руслана и Людмилу», а Гоголь — «Вечера на хуторе...», общего жанрового названия для них так и не появилось. Добролюбовы и Писаревы были больше заняты чтением нравоучений авторам да критикой «отсутствия общественного содержания». Вред, нанесенный этими «товарищами», огромен. В Англии развивалась и крепла традиция литературной сказки (лорд Дансени, например), ничуть не мешая критическому реализму Диккенса, к примеру. А мы из фантастики XIX века можем вспомнить разве что «Жар-птицу» Афиногенова да юношескую поэму Некрасова «Баба-яга». Остальное известно только специалистам. А потом на долгие десятилетия литературная сказка стала средством «воспитания подрастающего поколения в духе передового советского искусства». Там тоже появились шедевры, но они целиком и полностью прописались в нише детской литературы. Таким образом, когда пала цензура и стало возможно печатать все что угодно, у нас не оказалось своего русского термина для романа, повествующего о другой реальности, построенной на принципах объективного идеализма (определение С. Логинова). Был неуклюжий мутант «роман-сказка», но слово «сказка» в русском языке имеет совершенно иное значение. Не называют же «Властелин колец» сказкой!

— Как вы относитесь к тому, что авторов, пишущих фэнтези, зачастую обвиняют в пропаганде насилия?

— Упрекают не только в этом, но и в «отрыве от реальности», в том, что фэнтези — «удел эскапистов». И хотя брань на восток не виснет, скажу все-таки: показ насилия как такового никогда не входил в задачу тех, кто пишет фэнтези. Более того, этот жанр основан на «справедливости Силы». В народных сказках великая сила практически всегда была связана с праведностью, с правотой героя. Илья Муромец сокрушает вражьи рати в огромных количествах, покрывая все поле мертвыми телами, однако ни былинки, ни народные сказки в пропаганде насилия никто почему-то не упрекает.

— Многие авторы через какое-то время устают от жанра, в котором они пишут, и так или иначе начинают экспериментировать. Чем объясняется ваша верность жанру?

— Эксперименты не обошли и меня. Еще в середине 90-х я старался скрепить литературную сказку с «научной» фантастикой — получилась дилогия «Техномагия». Экспериментировал и в 2001 году — результатом стал роман «Череп на рукаве», тепло встреченный читающей публикой. Но если в жанрах, отличных от фэнтези, я решаю какие-то специфические писательские задачи, скажем, исследую интересующую меня конкретную альтернативную реальность и поведение людей в ней, то в фэнтези я просто живу. Для меня это самый естественный язык выражения. Ясный и емкий.

— Обращаются к вам молодые начинающие авторы с просьбами ознакомиться с их рукописями, дать оценку?

— Да, очень часто. К сожалению, громадное большинство приносит не законченные рукописи, а несколько страничек. Но там нечего оценивать! В тех же случаях, когда я получаю полный роман, к сожалению, я не могу выкроить достаточно времени, чтобы написать на него полноценную рецензию. Несколько романов я порекомендовал к опубликованию, но в последнее время отошел от этого.

— Американские начальники до сих пор не знают, кто на самом деле русский сотрудник их лаборатории?

— Нет, здесь это никого не интересует. Частная жизнь за пределами лаборатории как бы священна, и потому о ней ничего не спрашивают. Все, что от тебя требуется, — вовремя придти на работу и выполнять порученное. Может, это и правильно с точки зрения эффективности, но как-то бездушно. Если где и есть люди-винтики, так это в Америке.

— Вы увлекаетесь медиевистикой. Это помогает в творчестве?

— Само собой, поскольку большинство моих произведений помещается именно в средневековую атмосферу. Я люблю это время. Оно очень жестокое, но это жестокость природы. И куда более свободное, как ни странно. Мир не знал ни паспортов, ни виз, и смелый человек с мечом в руке мог добиться многого. История знает немало примеров «из грязи — в князи». Я, конечно, прекрасно осведомлен, что повседневная жизнь тогда была полна тягот и, в общем, коротка, человек оставался один на один с недугами, однако за повышение комфорта и удобств человечество заплатило, как мне кажется, непомерную цену.

— Много ваших произведений выложено в Интернете. Вы не боитесь, что найдутся желающие воспользоваться свободным доступом к книгам?

— Это дело издательства, организации, которой я уступил права на тиражирование моих книг, — отслеживать пиратские сайты и добиваться их закрытия. Раз они этого не делают, значит, не считают нужным. А раз так, то и мне нечего беспокоиться. Конечно, неприятно, когда моим трудом распоряжаются не только без моего ведома, но и, наплевав на прямые запреты автора, но это — цена свободы. Что же касается того, не боюсь ли я, что кто-то пиратским образом издает мою книгу на бумаге, — то нет, не боюсь. Такого в отношении известных авторов не было даже в начале 90-х.

— Издательство АСТ выпустило книгу с вашим именем на обложке и рассказами молодых авторов внутри. Застрахованы ли читатели от повторения подобных вещей?

— По горячим следам я поместил на своем официальном сайте письмо. Желающие могут зайти и ознакомиться. Что же касается того, застрахованы ли читатели от подобного... Боюсь, что нет, пока не будут приняты решительные меры.

— Следите ли вы за развитием российского фэнтези?

— К сожалению, практически перестал. Последняя прочитанная в этом жанре книга нашего автора — «Знаменитый путь» Марии Семенович.

— Как, на ваш взгляд, будет развиваться дальше этот жанр?

— Сказке и мифу предрекали гибель множество раз. На пьедестал возносились критические реализмы или постмодернизмы, но литературная, авторская сказка, принимая разные формы и обличья, нигде не исчезала. Российское фэнтези, сняв первый, самый доступный слой сюжетов, мыслей и образов, замерло, накапливая силы для нового рывка. Представляется непаханой целиной славянское фэнтези, несмотря на довольно много книг, вышедших в этом поджанре. Только начинает разрабатываться городское фэнтези, и, конечно, еще не сказано — и не будет сказано никогда! — последнее слово в фэнтези героическом, том самом, чье действие разворачивается в иных мирах.

— Повлияет ли интернет-литература на интерес к книгам вообще?

— Проблема Интернета надумана. Главное — это текст, а уж на чем его читать, с какого носителя — вопрос второй. Книга все равно уникальна, она вся перед тобой, в отличие от одного-единственного экрана компьютера.

— Как вы относитесь к ролевым играм по вашим книгам?

— Прекрасно отношусь. По-моему, любой писатель должен радоваться, если по его книгам пишут «фанфики», дискутируют, играют в игры.

— Общаетесь ли вы с так называемыми перумистами?

— Это мои самые верные и самые великодушные читатели, готовые мне простить даже неудачи вроде «Армагедона». Это те, кто поддерживал меня в трудные моменты, на чей суд я выношу фрагменты новых вещей. О таких читателях, как мне кажется, можно только мечтать.

Беседовал
Александр АЛЕКСЕЕВ

19.02.2004

Перумов Ник